

МНРТИ 03.20

ОРГАНИЗАЦИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ, ИХ РОЛЬ И МЕСТО В РЕАЛИЗАЦИИ РЕПРЕССИВНОЙ СТАЛИНСКОЙ ПОЛИТИКИ

Сергалиев Максот Хабибуллович¹

¹кандидат юридических наук, исполнитель проекта «Фундаментальное исследование базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации», Казахстан г. Астана, e-mail: sergaliev68@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-2580-3091>

Аннотация. Настоящая научная статья посвящена историческому исследованию коллективизации сельского хозяйства в Казахстане и уточнению карательной функции советских органов государственной безопасности в этом масштабном процессе. В центре исследовательской работы находится деятельность советских органов государственной безопасности по идеологическому, политическому и административному контролю над кочевым и оседлым населением республики. Особое внимание в работе уделено детальному анализу информационного сопровождения коллективизации как самостоятельной и эффективной формы чекистской работы в регионе. Исследуется, каким образом значение этой аналитической функции силового ведомства резко усилилось в 1920-е годы в условиях нарастающего крестьянского сопротивления и кризиса. На основе архивных документов детально реконструированы механизмы сбора оперативных данных, составления секретных сводок о настроениях казахского общества и методах подавления недовольства. Материалы исследования позволяют глубже понять структуру советской репрессивной политики на окраинах государства.

Ключевые слова: коллективизация, ОГПУ, репрессии, голод, кулаки, баи, преступность, продзатруднения, перегибы, каннибализм, откочевки.

Благодарность: Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан проекта ИРН: BR24993057 «Фундаментальное исследование основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации».

ҒТАХР 03.20

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ МЕМЛЕКЕТТІК ҚАУІПСІЗДІК

ОРГАНДАРЫНЫҢ ҰЙЫМЫ: ОЛАРДЫҢ СТАЛИНДІК РЕПРЕССИЯЛЫҚ САЯСАТТЫ ЖҮЗЕГЕ АСЫРУДАҒЫ РӨЛІ МЕН ОРНЫ

Серғалиев Мақсат Хабибуллұлы¹

¹заң ғылымдарының кандидаты, «Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының негізгі санаттары мен кіші санаттары және оларды толық ақтау үдерістері бойынша іргелі зерттеулер» жобасының мүшесі, Астана, Қазақстан, e-mail: sergaliev68@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-2580-3091>

Андатпа. Бұл мақалада Қазақстандағы ауыл шаруашылығын ұжымдастырудың тарихи зерттеуі берілген және осы ауқымды процесте кеңестік мемлекеттік қауіпсіздік органдарының жазалаушы рөлі нақтыланған. Зерттеу жұмысы республиканың көшпелі және отырықшы халқын идеологиялық, саяси және әкімшілік бақылауға қатысты кеңестік мемлекеттік қауіпсіздік органдарының қызметіне бағытталған.

Зерттеу ұжымдастыру төңірегіндегі ақпарат жинау және есеп беру қызметін егжей-тегжейлі талдауға ерекше назар аударады, мұны аймақтағы чекистік операциялардың ерекше және тиімді түрі ретінде қарастырады. Ол 1920 жылдардағы шаруалар қарсылығы мен дағдарыстың күшеюі жағдайында қауіпсіздік агенттігі орындаған бұл аналитикалық функцияның маңыздылығының қалай күрт күшейгенін зерттейді.

Архив құжаттарына сүйене отырып, зерттеу жұмысында оперативті мәліметтерді жинау, қазақ қоғамының көңіл-күйі туралы құпия есептерді құрастыру, келіспеушіліктерді басу әдістерін қолдану тетіктері егжей-тегжейлі қайта құрылды. Бұл зерттеу нәтижелері мемлекеттің шет аймақтарындағы кеңестік репрессиялық саясаттың құрылымын тереңірек түсінуге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: ұжымдастыру, ОГПУ, қуғын-сүргін, ашаршылық, кулактар, байлар, қылмыс, азық-түлікпен қамтамасыз ету қиындықтары, шектен шығушылық, каннибализм, қоныс аударушылар

Алғыс айту. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің ЖТН «BR24993057 «Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының негізгі базалық санаттары мен кіші санаттарын іргелі зерттеу және оларды толық ақтау процестері» бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру жобасын жүзеге асыру аясында дайындалды.

IRSTI 03.20

THE ORGANIZATION OF STATE SECURITY AGENCIES
IN KAZAKHSTAN: THEIR ROLE AND PLACE IN THE
IMPLEMENTATION OF STALINIST REPRESSIVE POLICY

Maksot Sergaliyev¹

¹Candidate of Legal Sciences; project team member for «Fundamental Research into the Basic Categories and Subcategories of Victims of Political Repression in Kazakhstan and the Processes of Their Full Rehabilitation», Astana, Kazakhstan, e-mail: sergaliev68@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-2580-3091>

Abstract. This article presents a historical study of the collectivization of agriculture in Kazakhstan and clarifies the punitive role played by Soviet state security agencies in this large-scale process. The study focuses on the activities of Soviet state security agencies regarding ideological, political, and administrative control over the republic's nomadic and settled populations.

The study focuses particularly on a detailed analysis of the information-gathering and reporting activities surrounding collectivization, viewing this as a distinct and effective form of Chekist operations in the region. It examines how the significance of this analytical function performed by the security agency intensified sharply during the 1920s amidst mounting peasant resistance and crisis. Drawing on archival documents, the study reconstructs in detail the mechanisms for collecting operational data, compiling secret reports on the mood of Kazakh society, and employing methods to suppress dissent. These research findings offer deeper insight into the structure of Soviet repressive policy in the state's outlying regions.

Keywords: collectivization, OGPU, repressions, famine, kulaks, bais, crime, food supply difficulties, excesses, cannibalism, nomadic migrations.

Acknowledgments: The article was prepared with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, project: BR24993057 “Fundamental research of the main basic categories and subcategories of victims of political repressions in Kazakhstan and the processes of their full rehabilitation”.

Введение. История сталинских репрессий в Казахстане на протяжении десятилетий остается одной из самых драматичных и интенсивно изучаемых тем в отечественной исторической науке. Создание лагерной системы (Карлаг, АЛЖИР), трагедия Ашаршылыка, массовые депортации народов и политический террор против национальной интеллигенции получили глубокое осмысление в трудах современных исследователей. Тем не менее, несмотря на довольно значительный период исследования сталинских репрессий в Казахстане, историография данной научной проблемы продолжает содержать значительное количество пробелов.

В современном научно-историческом и общественном дискурсе преобладает виктимологический подход — фокус внимания исследователей закономерно направлен на фиксацию масштабов террора и реабилитацию его жертв. Как следствие, абсолютное большинство наших соотечественников имеют самое общее представление о масштабах репрессий и почти ничего — об их исполнителях. До сих пор вне глубокого системного анализа зачастую остаются институциональная эволюция, кадровая политика и конкретные

механизмы функционирования карательных органов на местах. Без понимания того, как была устроена региональная вертикаль госбезопасности, невозможно составить объективную картину функционирования тоталитарной системы в республике.

Целью данной статьи является комплексный исторический анализ организации органов государственной безопасности в Казахстане, а также определение их роли и места в реализации репрессивной сталинской политики. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- Изучить этапы институционального формирования и структурных изменений органов госбезопасности на территории Казахстана в исследуемый период;
- Выявить специфику взаимодействия союзного центра и республиканских карательных структур при принятии и исполнении репрессивных директив;
- Раскрыть кадровый потенциал, методы работы и персональную ответственность организаторов и непосредственных исполнителей террора на местах.

Методы и методология. Методологическую основу исследования составили принципы объективизма, историзма и системности, позволяющие рассматривать ОГПУ как имманентную часть репрессивной машины сталинского режима, адаптированную к кочевой специфике Казахстана. Работа опирается на модернизационный подход, трактующий коллективизацию как насильственную ломку традиционного общества, институциональный анализ структуры и функций спецслужб, а также антропологический подход, фиксирующий трагедию повседневности (голод, откочевки, каннибализм).

В исследовании применен комплекс общенаучных (анализ, синтез) и специально-исторических методов. Историко-генетический и историко-системный методы позволили проследить эволюцию чекистского «информационного сопровождения» от фиксации крестьянских протестов 1920-х годов до тотального контроля над обществом, а историко-компаративный метод — сопоставить карательные практики в кочевых аулах и оседлых деревнях.

Междисциплинарный источниковедческий и контент-анализ секретного делопроизводства ОГПУ помог отделить объективные маркеры кризиса от идеологических штампов («байско-кулацкий саботаж», «перегибы»). Источниковой базой послужили рассекреченные архивные документы (оперативные сводки, циркуляры ПП ОГПУ, решения «троек»), сочетание которых обеспечило верификацию масштабов и механизмов сталинской репрессивной политики на окраинах государства.

Обсуждение. Деятельность советских органов госбезопасности широко освещалась уже в 1920-е гг. XX века. В первую очередь, — представителями российской эмиграции Мельгуновым В.П., Бурцевым В.Л., Гулем Р.,

Прянишниковым Б. и др. Указанные работы предельно точно передают напряжение и трагизм описываемого времени, но некоторые современные ученые рекомендуют критически относиться к их содержанию (Скоркин, 2024).

Исследователи репрессий в Казахстане часто используют «Вспоминания чекиста-оперативника» Шрейдера М.П., реже книгу Богданова Ю. о служившем в КССР отце «30 лет в ОГПУ–НКВД–МВД: от оперуполномоченного до заместителя министра» (М., Крафт, 2013).

Наиболее ценные сведения об исполнителях репрессий, в первую очередь, о сотрудниках органов государственной безопасности СССР, по нашему мнению, содержат труды современных авторов.

Серьезная работа по исследованию репрессий невозможна без использования справочников Петрова Н.В., Скоркина К.В. («Кто руководил органами госбезопасности 1934–1941, 1941–1954», справочник, М., 2001), Тумшиса М.А. («Щит и меч Советского Союза. Краткие биографии руководителей органов государственной безопасности СССР и союзных республик. Декабрь 1922–декабрь 1991 гг.», М., 2016), Мозохина О. «Статистические сведения о деятельности органов КЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ 1918–1953 гг.», М., 2016), а также «Краткой истории ВЧК–ГПУ–ОГПУ 1917–1924» Скоркина К.В. (М.: Квадрига, 2024).

Отдельные аспекты рассматриваемого вопроса изложены в работах Хаустова В., Самуэльсона Л. («Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг.», М.: РОССПЭН, 2010, 432 с.), Попова А.Ю., Соколова А.А. («Щит и меч власти большевиков. Очерки истории ВЧК», М.: DirectMedia, 2022), Пачинского А., Тумшиса М. («Щит, расколотый мечом НКВД против ВЧК», М.: Современник, 2001, 367 с.) и др. Довольно полезными оказались монографии Петрова А.Г. «Типология репрессий в СССР: опыт историко-правового анализа» (М.: Центр гуманитарной литературы «РОН», 2004), Бобренева В.А., Рязанцева В.Б. «Палачи и жертвы» (М.: Военное издательство, 1993, 383 с.).

На этом фоне приходится отметить, что в работах казахстанских историков акцент на исполнителях репрессий делается редко, чаще всего авторы ограничивались общей статистикой, фрагментарными упоминаниями либо механическим предоставлением документальных материалов без комментариев к ним.

Объективным препятствием для устранения рассматриваемого научного пробела является хроническая проблема ограниченности доступа к архивам органов госбезопасности СССР. В современных условиях она частично и очень медленно компенсируется за счет использования других источников — архивов других, менее закрытых ведомств, а также увеличивающегося количества тематических публикаций и монографий (преимущественно зарубежных). Как правило, относящаяся к нашей республике информация носит в них «случайный» характер, собирать ее приходилось буквально по крупицам.

Результаты. 28 октября 1918 г. ВЦИК утвердил положение о ВЧК и ее местных органах, которые местные Советы фактически стали создавать с начала

года (в течение 1918 г. было образовано 40 губернских и 356 уездных ЧК) (Христофоров, 2019: 30).

В конце 1919 г. в Оренбурге, по мере создания Киргизской Советской республики, была создана Киргизская Чрезвычайная Комиссия. Она объединила Оренбургско-Тургайскую областную ЧК, Семипалатинскую губернскую ЧК, Уральскую губернскую ЧК, Букеевскую губернскую ЧК (с центром в с.Урда) (СГА КНБ, 3786: 82).

Структура и штат губернских ЧК определены приказом ВЧК № 194 от 6 июня 1921 г. На основании этого же приказа на территории Казахстана были созданы 8 губернских ЧК: Акмолинская, Букеевская (Гурьевская), Кустанайская, Семипалатинская, Семиреченская, Тургайская, Уральская и Актюбинская (СГА КНБ).

В 1922 г. губернские ЧК были преобразованы в губернские отделы ГПУ. Приказом ГПУ СССР № 195/320 от 30.08.1922 г. к Полномочному представительству ГПУ по Киргизскому краю (с центром в г. Оренбурге) отнесены Акмолинский, Актюбинский, Букеевский, Кустанайский, Семипалатинский, Уральский и Оренбургский губернские отделы ГПУ; часть современной Алма-Атинской области находилась в оперативном обеспечении Джетысуйского (Семиреченского) губернского отдела ГПУ, подчинявшегося Полномочному представительству ГПУ по Туркестанскому округу (с центром в г. Ташкенте) (СГА КНБ).

В июне 1925 г. Киргизская АССР, обретая новые границы, также получила новое наименование Казакская Автономная Советская Социалистическая Республика (преобразование из «Казакской» в «Казахскую» произошло в феврале 1936 г.).

В 1925 г. столица была перенесена из Оренбурга в Перовск (г. Кызыл-Орда), одновременно с переездом правительства республики был *создан единый республиканский орган госбезопасности — Полномочное представительство (ПП) ОГПУ по Казакстану*.

В его подчинении были 12 окружных отделов: Алма-Атинский, Актюбинский, Гурьевский, Кустанайский, Сыр-Дарьинский, Каркаралинский, Павлодарский, Петропавловский, Семипалатинский, Кызыл-Ординский и Уральский. Был организован также Кара-Калпакский облотдел ОГПУ, который позднее вошел в состав ПП ОГПУ по Узбекской АССР (СГА КНБ).

К середине 1920-х гг. большая часть населения Казахстана вела кочевой образ жизни, который советская власть намеревалась решительно искоренить. Кочевки происходили в меридианном направлении (с севера на юг и обратно), на расстояния до 700 км, обеспечение их контроля было крайне сложной задачей. Кочевники занимали огромные и стратегически важные территории, примыкающие к государственной границе, которую они, в рамках сложившегося традиционного уклада, не признавали. Такое отношение к собственным рубежам никак не устраивало советскую власть, для которой бесконтрольное пересечение границы было категорически неприемлемым. Если до революции миграция кочевников происходила преимущественно с экономическими целями, то в

1920–1930 гг. откочевки стали приобретать политический контекст как форма бегства от государства.

Борьба с ними обосновывалась также экономическими и политическими причинами. Особенно тревожным для властей было то, что за границу массово мигрировали представители наиболее обеспеченных слоев населения, имевшие большое количество скота и другого имущества. Опасность откочетов для властей заключалась и в том, что граждане СССР, ушедшие за границу, попадали в сферу влияния антисоветской эмиграции (Синицын, 2019:35).

Следует отметить, что к середине 1920-х гг. советская власть в Казахстане во многом носила формальный характер. Хотя номинально советы здесь и существовали (аульные, волостные и пр.), однако реальная власть в них принадлежала родовым авторитетам. Такие органы власти не только не являлись опорой советского государства и правящей партии, но и просто мешали выполнению ее программных задач.

Поэтому власть поставила цель создать новые, «подлинные» советы как действительные органы диктатуры пролетариата. В декабре 1925 года на V Всеказахской конференции РКП (б) была принята программа «советизации аула». Она заключалась в ликвидации «байских советов» и продвижении в новые советы представителей «низших страт» кочевого общества — батраков, бедняков и середняков (Синицын, 2019: 59).

Этот процесс занял несколько лет, достиг результатов не везде, и в основном после того, как подверглись репрессиям и конфискации имущества родовые авторитеты. Только в 1929 году власти сумели добиться создания подлинных светов, где большинство составляла беднота (Синицын, 2019: 59).

Согласно оценкам чекистов, с 1926 г. шел «непрерывный рост объема работы ОГПУ и его местных органов» (Мозохин, 2016: 378). В 1928 г. особенно отличилось ПП ОГПУ КАССР, которое демонстрировало наибольшее в ведомстве увеличение количества обвиняемых — на 314 % в сравнении с 1926 г. (с 857 до 3553 арестованных) (Мозохин, 2016: 378). На фоне снижения во многих областях СССР количества обвиняемых по шпионажу в Казахстане в 1928 г. этот показатель увеличился до 1633 % (с 3 в 1926 г. до 49 человек в 1928 г.) (Мозохин, 2016: 378).

Борьба с кулачеством привела к расширению внесудебных полномочий ОГПУ: в феврале 1930 г. было принято постановление ЦИК СССР, предоставившее право ОГПУ на время проведения действий по ликвидации кулачества как класса «передоверять свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел в ПП ОГПУ краев и областей» (Христофоров, 2019: 75).

Согласно указанному постановлению, проведение оперативных действий по конфискации имущества и выселению кулаков было возложено на местные органы власти и ОГПУ, в условиях Казахстана полпредство ОГПУ и его подразделения на местах стали главным инструментом подавления вооруженного сопротивления казахских шаруа (Алланиязов, 2026: 216).

Органы госбезопасности еще до принятия постановления были приведены в состояние мобилизационной готовности в связи с предстоящей кампанией.

2 февраля 1930 г. был издан приказ ОГПУ № 44/21, завершивший подготовительный этап и определивший порядок, и сроки проведения первоочередных операций по кулачеству.

Во-первых, мероприятия ОГПУ должны были сводиться к двум основным направлениям: немедленной ликвидации контрреволюционного актива, относящегося к 1-й категории и массового выселения богатых кулаков и их семейств (2 категория) в отделенные северные районы СССР и конфискации их имущества.

Приказом ОГПУ был определен порядок руководства и проведения операций на местах.

Рассмотрение дел на лиц, проходящих по 1 категории, возлагалось на «тройки» из числа представителей ПП ОГПУ, крайкомов ВКП(б) и прокуратуры (состав троек утверждался коллегией ОГПУ).

Руководство операциями по выселению кулаков и их семейств по 2 категории возлагалось на оперативные тройки (в районах – оперативные группы), которые организовывались распоряжением ПП ОГПУ (в округах и областях – начальники отделов ОГПУ).

Проведение оперативных действий возлагалось на ПП ОГПУ. Им предписывалось на случай возможных осложнений организовывать при ПП ОГПУ чекистско-военный резерв, в районах наиболее угрожаемых – маневренные группы из частей ОГПУ, которые находились в распоряжении окротделов ОГПУ (Тархова, 2010: 138).

Отдельно в приказе ОГПУ оговаривалось возможное участие Красной армии: «Части Красной армии к операции ни в коем случае не привлекать. Использование их допускать только в крайних случаях, при возникновении восстания, по согласованию с краевыми организациями и РВС. ПП ОГПУ организовать там, где недостаточно частей ОГПУ, в скрытом виде войсковые группы из надежных, профильтрованных особорганами ОГПУ частей Красной армии» (Тархова, 2010: 138).

При этом казахов в пограничную охрану и части ОГПУ не призывали: «ОГПУ СССР исходило из необходимости укомплектования погранохраны и войск ОГПУ призывниками из наиболее благополучных в политическом отношении районов» (СГА КНБ 9: 21), каким буквально полыхавший восстаниями Казахстан в годы коллективизации явно не был. Попытки Крайкома ВКП(б) начать комплектование пограничной охраны ОГПУ красноармейцами-казахами также натолкнулись на категорический отказ Москвы. Было принято компромиссное решение ограничиться «...включением в погранохрану войск ОГПУ на отдельных заставах в качестве переводчиков по одному грамотному члену партии казаху-красноармейцу из числа призванных в ряды Красной Армии в 1930 г.» (Ашаршылык, 2021: 879).

Безусловно, указанное обстоятельство имеет частный характер и не исключает участия казахов в реализации репрессивной политики. По мнению экспертов, по политическим соображениям в борьбе против повстанцев акцент делался на применении либо национальных кавалерийских частей, либо

коммунистических отрядов, состоявших из местных партийных, комсомольских и советских работников (Алланиязов, 2026:217).

Кроме имеющихся подразделений ОГПУ, для борьбы с восстаниями и откочевками были созданы «61-й Актюбинский кавдивизион – 100 чел., 63-й Акмолинский кавдивизион – 100, 64-й Петропавловский кавдивизион – 130, 65-й Кустанайский кавдивизион — 102, всего 432». Сообщалось, что в числе решавшихся ими задач, «пограничная охрана и войска ОГПУ использовались: а) для проведения выселения кулачества; б) по изъятию кулацких, байских манайских и антисоветских элементов; в) для ликвидации массовых антисоветских выступлений; г) для борьбы с бандитизмом.

Помимо этого, погранохраной были приняты меры к усилению охраны границы, в особенности «с целью предотвращения бегства кулаков за рубеж» (Исторические материалы). Малочисленность войск ОГПУ в операциях по кулачеству компенсировалась их мобильностью, т.н. «оперативно-боевыми перебросками». Некоторые из перебросок производились внутри республики распоряжением ПП ОГПУ, другие — по Союзу распоряжением ОГПУ СССР. Например, в 1930 г., в Казахстане в перебросках участвовало 679 военнослужащих пограничной охраны с продолжительностью от 15 дней до 3 месяцев (Тархова, 2010: 151).

В рассматриваемый период казахстанскую ссылку пришлось пережить ряду ученых — бывших эсеров (руководителю Статистическо-экономического отряда Казахстанской экспедиции АН СССР Швецову С.П., члену Президиума Госплана Казакской АССР Сириусу М.Г. и др.) считавших, что кочевое хозяйство – единственно рациональное, целесообразное и идеально приспособленное к местным условиям (Синицын, 2019: 46). Идеи взвешенного подхода к судьбе кочевой цивилизации разделяли ученые Огановский Н.П., Челинцев А.Н., Рукавишников И.А., заместитель председателя СНК РСФСР Рыскулов Т., бывшие члены партии «Алаш» Байтурсынов А., Букейханов А.

По некоторым оценкам, в случае сохранения существовавшего положения, «пастбищная площадь Казахстана могла обеспечить прокорм для 75 млн голов скота и регион был способен целиком покрыть все потребности Союза на все виды животноводства» (Синицын, 2019: 50).

Однако в реальных условиях сельское хозяйство Казахстана в результате коллективизации было фактически уничтожено.

В течение первой пятилетки удельный вес республики в производстве зерна в СССР упал с 9 до 3 %. Беспрецедентными были потери животноводства: в спецсообщении от 25 октября 1933 г. полпред ОГПУ Каруцкий В. сообщал на Лубянку, что если в 1929 г. в Казахстане насчитывалось 40,3 млн голов скота, то в 1930 г. – 24,6 млн., в 1931 г. – 10,6 млн., в 1932 г. – 5,5 млн., а к осени 1933 г. – всего 3,7 млн. В целом, сокращение поголовья составило 91 %, а по кочевым и полукочевым районам – до 95 % (Тепляков, 2009: 166).

Трагической для казахов стала борьба властей с кочевым и полукочевым образом жизни: в 1930 г. было переведено на оседлость 87 тыс. хозяйств, в 1933 г. – 242 тыс. Сотни семейств были согнаны в одно место, колхозные фермы часто

представляли собой степные территории, где скот стремительно погибал от бескормицы.

Задачи ОГПУ в период коллективизации заключались в выявлении и ликвидации «контрреволюционного актива, различных повстанческих и террористических проявлений, обеспечение проведения политики ликвидации купечества» (Михеев, 2008: 174). В 1929–1933 гг. областные тройки ОГПУ приговорили к расстрелу (по неполным данным) 3386 казахстанцев и заключили в лагеря еще 13151 чел. За 1930 г. «тройки» расстреляли 1218 чел., в 1931 г. – 1001 чел. За покушение на социалистическую собственность в 1932 г. в Казахстане было осуждено 33345 чел. (включая подростков).

По данным Информационного отдела ОГПУ, в 1928 г. в СССР было зафиксировано 709 массовых крестьянских выступлений, в 1929 г. – 1307, в 1930 г. – уже 3754 (Измозик, Старков и др., 2009: 433) (только в Казахстане в 1930 г. действовало 82 повстанческих отряда общей численностью 1925 чел.) (Бушуева, 2020: 335). В Казахстане в 1928–1933 гг. произошло 545 массовых выступлений (в том числе 26 вооруженных) с числом участников более 127 тыс. (Алланиязов, 2026:4), основными очагами недовольства были Семипалатинский и Алма-Атинский округа, Адаевская степь (Тепляков, 2009: 176–178), для подавления которых использовалась в том числе авиация (Степанов, 2019: 329).

При этом весной и летом 1929 г. протестные выступления по Казахстану проявлялись в следующих формах: противодействие хлебозаготовительным мероприятиям, злостная агитация, угрозы, избиения, покушения на убийство и расправу, убийство, поджоги, политхулиганство, распространение листовок, выступления бедноты в защиту кулачества, забастовки рабочих, банды (Алланиязов, 2025: 96). Об обострении ситуации свидетельствует появление и широкое распространение в 1930 г. такой формы протеста, как физический и имущественный террор (332 факта), а также народные восстания (Алланиязов, 2025: 96).

Органы госбезопасности обеспечивали информирование властей обо всех важных общественно-политических событиях, среди которых в 1930-е гг. тема коллективизации была одной из приоритетных (Колодникова, 2009: 55). Информация ОГПУ имела большее значение для руководства страны (Измозик, 2024: 177), она считалась наиболее полной и достоверной. Система политического контроля органов госбезопасности не опиралась ни на какую правовую основу, лишь на секретные инструкции высших партийных органов и ведомственные указания, приказы.

В отличие от партийных и советских организаций, структуры ВЧК-ОГПУ на протяжении лет не стремились приукрасить положение на местах, фиксируя реальное экономическое положение населения и злоупотребления представителей власти. Важная особенность информирования ОГПУ: стремление к полноте, попытки приукрасить ситуацию карались беспощадно. «Обманывать было чревато, за это репрессировали. Советское общество просвечивалось по всем градациям: армия, крестьяне, интеллигенция, районы, области, руководители, рабочие. Иными словами, читавшие этот отчет лица

могли реально представить себе ситуацию в стране и на этом основании принимать решения, проводить определенную политику. Руководство страны требовало от работников секретных служб абсолютной правды» (Колодникова, 2009: 35).

При этом в соответствии с требованиями ведомственного приказа, «важнейшей задачей госинформации является освещение настроений всех групп населения и факторов, влияющих на изменение этих настроений» (Измозик, 2024: 186).

Далее использованы сводки⁷ подразделений ПП ОГПУ по Казахской АССР, знакомство с которыми дает представление о содержании информационной работы органов госбезопасности в период коллективизации и различных аспектах этого процесса:

Из спецсводки Петропавловского окротодела ГПУ ПП ОГПУ по КазАССР о перегибах при проведении мероприятий по раскулачиванию, 10 марта 1930 г.

Рыковский район, Петропавловск

... Все раскулаченные 60 семейств были немедленно выгнаны из домов, не оставили им ничего, даже на пропитание. Перед самым раскулачиванием уполномоченный рика Мануйлов заявил: «Мы должны кулака раздеть догола и выбросить в снег».

... Все присутствующие на заседании были разбиты на 7 бригад, каждой дан список и сразу приступили к работе. Метод был таков: заходят в дом, все забирают дочиста, складывают на подводы и увозят в общий амбар без всяких описей.

Скот угонят, хозяев и детей оставляют полураздетыми и приказывают сейчас же уходить из села, а по селу и в конце села их караулы встречают и что получше на них оставлено снимают и заменяют рваньем или ничем, и отправляют их из села, несмотря на сильные бураны.

И все это в течение нескольких часов было закончено.

На второй день поступило распоряжение: «Всем выгнанным можно вернуться в деревню и расположиться по квартирам». Многие вернулись обмороженными, как дети, а равно и сами. Жена кулака Григоренко Алексея, имея больного мужа и 5 детей, от пережитого сошла с ума (Ашаршылык, 2021: 241).

Из доклада командования 11-й Краснознаменной кавалерийской дивизии в Казкрайком ВКП(б) «О боевых действиях особой оперативной группы в Казахстане в марте, апреле и мае 1930 г.», от 10 июня 1930 г., г. Оренбург.

...на почве извращения политики партии ...в Казахской Автономной ССР еще осенью 1929 г. имели случаи массового движения и недовольства. Батбакаринское и Сузакское восстания, ликвидированные исключительно

⁷ Сохранена оригинальная орфография документов.

применением войск, являлись грозными показателями состояния казахского аула (Ашаршылык, 2021: 455).

Из информационной записки ПП ОГПУ по Казахской АССР в информационный отдел ОГПУ СССР по вопросу продовольственных затруднений на 5 июля 1930 г., г. Алма-Ата.

С января по июнь месяц с.г. включительно массовых выступлений на почве продзатруднений с целью захвата хлебных запасов зарегистрировано 88: в январе – 1, марте – 12, апреле – 18, мае – 35 и июне – 20 (по неполным данным за июнь месяц). Наибольшее распространение выступления имели в Семипалатинском окр. – 15, Петропавловском – 13, Алма-Атинском – 12, Кустанайском – 10 и Уральском – 9. Острота продзатруднений, кроме того, характеризуется следующим: а) фактами опуханий, заболеваний и смертей; б) фактами употребления в пищу падали, сусликов, кошек и суррогатов; в) фактами поедания семян вообще и протравленного семенного материала в частности, вследствие чего отмечались случаи отравления (Ашаршылык, 2021: 493–494).

Из доклада комиссии Казахского крайкома ВКП(б) «Об итогах выполнения директив ЦК и крайкома ВКП(б) об исправлении перегибов, допущенных в период весенней кампании 1929–1930 г.», г. Алма-Ата, 6 августа 1930 г.

...Советская уголовная политика едва ли когда-нибудь в другое время видела такие искажения, какие она претерпела в период этой кампании. В отдельных районах извращения карательной политики были прямо чудовищны.

...В Акмолинском округе, вопреки неоднократным категорическим запрещениям краевых органов, по судебным приговорам выслали в Карелию и другие местности СССР около 1 тыс. осужденных вместе с семьями, вместе с малолетними детьми. В этой кампании особенно широко была применена высылка и конфискация имущества, означавшая действительное полное отобрание имущества вплоть до чашки и ложки (Ашаршылык, 2021: 520).

...В Илекском районе Актюбинского округа было арестовано около 200 казахов за неспадку хлеба. Эти казахи никогда хлеб не сеяли (Ашаршылык, 2021: 522). ...По линии заготовки хлеба и шерсти в казахских районах дело доходило до того, что казахов заставляли распарывать ватные одеяла, трепать на шерсть кошмы и т.п. (Ашаршылык, 2021: 523) При сборе семенного фонда в Уральском округе «...прелестей довольно художественного порядка изрядно. Особенно отличаются пока районы: Зауральный – избиением мужчин, женщин, аресты в холодные бани, истязания мужчин и женщин кулаков, середняков, бедняков, угрозы расстрелом. Обливания женщин холодной водой, изнасилования и пьянство, массовые незаконные конфискации имущества середняков, а иногда и бедняков. В Урде и Тайпаке женщин водили босиком по снегу, устрашали сжиганием» (Ашаршылык, 2021: 241).

Сводка об уковечках казахского населения в Казахстане по материалам Инфо ПП ОГПУ по КАСР на 25 ноября 1930 г., г. Алма-Ата.

...Откочевки внутри Казахстана за последнее время имеют место в Гурьевском, Уральском, Каркаралинском и Петропавловском округах. В Сыр-Дарьинском округе откочевки имеют направление в Узбекистан и Киргизию, из Алма-Атинского и Семипалатинского в Китай и Киргизию.

Особенностью откочевок последнего периода является то, что в большинстве случаев укочевки происходят под прикрытием вооруженных банд как местного, так и закордонного происхождения и, частично, — при явном содействии со стороны китайских властей (Ашаршылык, 2021: 526).

Радиограмма секретаря Казкрайкома ВКП(б) И.Ф. Голощекина Бельагачскому райкому ВКП(б) о четырехкратном увеличении скотозаготовок в связи с обострившимся положением мясоснабжения гг. Москвы и Ленинграда, Алматы, 8 января 1931 г.

... В связи с обострившимся положением мясоснабжения гг. Москвы и Ленинграда, ЦК увеличил январское задание Казахстану по отгрузке мяса столицам в 4 раза. Обязал парторганизацию выполнить это в боевом порядке (Ашаршылык, 2021: 659).

Небольшая ремарка к описываемой ситуации с ухудшением ситуации: сегодня некоторые ученые сообщают, что городские жители в массе своей не испытывали голода. Москвич И.И. Шитц фиксировал в столице не голодное существование жителей столицы, а очереди, неважное качество продуктов, скудный ассортимент. Нормой становилось весьма однообразное и маловкусное питание (Лебина, 2024:50–51).

Докладная записка первого секретаря ВЦСПС Н.М. Шверника И.В. Сталину о поездке в Казахстан на хлебозаготовки, Москва, 12 марта 1931 г.

...В заключение я должен отметить, что Казахстан безусловно сможет дать еще 3–4 миллиона пудов хлеба, т.е. количество, которое он должен дать по плану без совхозов.

Из поездки по районам, в особенности селам, создается впечатление, что хлеб есть.

Нужны лишь соответствующая работа, главным образом массово-разъяснительная, среди бедняков и середняков, и твердый нажим на кулацко-байские хозяйства, и план хлебозаготовок по Казахстану может быть безусловно выполнен (Ашаршылык, 2021: 793).

Спецсводка полномочного представительства ОГПУ по Запсибкраю «О бегстве казаков из Казакстана на территорию Запсибкрая», г. Новосибирск, 23 января 1932 г.

...Начиная с осени 1931 г. наблюдается бегство казаков из Казахстана в смежные с Казакстаном районы Запсибкрая. За последнее время это бегство приняло массовый характер.

В Славгородском районе казаков, бежавших из Казакстана, насчитывается до 10 000 человек, из них 6 000 осели в самом городе Славгород, где расселились на окраинах, в пустующих домах, в квартирах, занимаемых казаками.

До 4 000 расселились в казакских аулах, население которых в связи с этим удвоилось. Прибежавшие казаки живут скученно, грязно, среди них свирепствуют инфекционные заболевания.

Прибывшие казаки не имеют никакого имущества, нигде не работают, и подавляющее большинство из них голодает.

Широко развито нищенство, употребление в пищу мяса павших животных, кражи скота и лошадей. Отмечены случаи, когда павшие лошади казаками откапываются из земли и поедаются.

Часть казаков бросают на произвол судьбы детей. Имеются смертные случаи от истощения.

...По городу Славгороду ежедневно милицией подбирается 2–3 больных от голода казаков.

...При проверке квартир казаков обнаружен ряд случаев, когда целые семьи лежат больные черной оспой. Тут же во дворе лежат трупы умерших (Ашаршылык, 2021: 77).

Спецсообщение Секретно-политического отдела ОГПУ СССР «О злоупотреблениях и хищениях при распределении продовольственной помощи в Казахстане», г. Москва, 7 июля 1932 г.

...За период март — май 1932 г. по краю зарегистрировано до 7 тыс. голодных смертей. За это же время в отдельных районах отмечено 67 случаев людоедства, сопровождавшихся в 39 случаях убийствами.

В Джувалинском районе на ст. Тюлькубас задержана группа в 4 человека (казахи), занимавшихся убийствами и употреблением человеческого мяса в пищу. Группой было убито 6 человек, в том числе мать и малолетние дети С. (одного из задержанных). У задержанных обнаружено человеческое мясо.

В Келесском районе вблизи ст. Дарбаза задержана группа в 5 человек. Следствием выяснено, что группа убивала прохожих и мясо убитых употребляла в пищу. Часть человеческого мяса продавалась за скотское по 5 рублей за кг.

В с. Ольговка член коммуны «Щит» Т. совместно со своей женой съели труп двухлетнего ребенка и одного мальчика казаха. Ими же была зарезана одна старуха, мясо которой также съедено. При обыске у «Т» обнаружено человеческое мясо, варившееся в казане (Ашаршылык, 2021: 265–267).

Из приложения к спецсправке Секретно-политического отдела ОГПУ об антиколхозном движении и голоде в Белоруссии, Казахстане, на Украине и в отдельных районах СССР, г. Москва, не ранее 20 июля 1932 г.

...Казахстан принадлежит к числу наиболее неблагоприятных районов Союза. Основная причина этого — острейшие продзатруднения, принявшие в ряде районов характер голода. На 1 июля продзатруднениями охвачено 74 района, где зарегистрировано 8 276 случаев голодной смерти и 12 969 опуханий.

Голодающие питаются падалью, зарегистрированы случаи людоедства (Ашаршылык, 2021: 284).

Заключение. По результатам участия в настоящем проекте, по нашему мнению, в дальнейшем следует сконцентрировать усилия на решении в первую очередь организационных задач:

1. Целевые исследования коллективизации в Казахстане, с учетом масштабов трагедии, следует продолжить.

Принимая во внимание сложность задачи, ее решение может занять многие годы, потребовать существенных ресурсов, оправданных с точки зрения морально-этического аспекта проблемы.

При этом проведение полноценного исследования, безусловно, имеет и политическое значение, — наличие научно обоснованных выводов о причинах и последствиях реализации сталинской политики в Казахстане дает власти мощный инструмент обеспечения информационной безопасности государства, сохранения исторической памяти и консолидации на этом фоне казахстанского общества.

2. Масштабы советских репрессий в Казахстане и одновременно очевидная недостаточная степень их изученности позволяет в очередной раз поставить вопрос о создании специального научно-исследовательского института.

Объективные условия исторической науки в республике, в первую очередь, — дефицит молодых квалифицированных специалистов, а также естественные демографические процессы, влияющие на повышение среднего возраста ведущих исследователей, подталкивают вопрос о необходимости ускорения создания такой структуры. По нашему мнению, концентрация ученых разных поколений, специализирующихся на изучении различных аспектов основной проблемы исследования, — сталинских репрессий в Казахстане, — будет способствовать постоянному взаимному обмену научными данными и преемственности поколений исследователей.

3. Целесообразна постановка вопроса о создании в Казахстане мемориального комплекса международного уровня.

С учетом многотысячных жертв коллективизации, многолетнего использования территории Казахской ССР для отбытия наказания и ссылки многих народов, изначальное придание ему международного уровня усилит узнаваемость республики на внешнем периметре, будет способствовать развитию гуманитарных связей.

Пересмотреть отношение к существующим музеям, тематически связанным с политическими репрессиями 1930-х годов, придать их деятельности более масштабный, соответствующий параметрам трагедии, характер.

По нашему мнению, к разработке Концепции создания и деятельности соответствующего мемориального комплекса необходимо привлечь организации и лиц, обладающих опытом реализации значимых проектов (Музей истории ГУЛАГ, Мемориальный музей-заповедник истории политических

репрессий «Пермь-36», «Ржевский мемориал» (Россия), Хатынь (Беларусь), Национальный музей «Мемориал жертв голодомора» (Украина) и др.

4. Следует признать, что главным препятствием для объективного и всестороннего рассмотрения проблемы реализации в Казахстане сталинской репрессивной политики является проблема ограниченности доступа исследователей к архивным материалам Администрации Президента РК, СГА КНБ, МВД РК.

Без решения данного принципиального вопроса все результаты исследований будут иметь не просто фрагментарный, но и, возможно, искаженный характер.

5. В рамках текущего исследования удалось рассмотреть организационные аспекты создания и деятельности в Казахстане органов государственной безопасности, их роли и места в коллективизации и политических репрессиях.

В силу объективных причин (слабая научная проработка темы, ограниченный объем имеющихся материалов) начата, но далеко не завершена важная работа составления исторического портрета сотрудника ЧК–ОГП–НКВД в качестве исполнителя политических репрессий.

Между тем, по нашему мнению, решение этой научной задачи очень важно. Трагедия миллионов пострадавших от сталинской политики 1930-х годов казахстанцев буквально обязывает их потомков предпринять усилия по определению причастных к ней лиц. Нужно получить ответы на вопросы: кто организовывал и исполнял репрессии, в каких условиях формировались послушные исполнители и, главное, что нужно сделать для того, чтобы общество сохранило историческую память и не допустило повторения жуткого сценария.

Список литературы и источников:

Ашаршылык. Голод. Документальная хроника: сборник документов 1928–1934. Т. 2. – Алматы: Атамұра, 2021. – 1240 с.

Алланиязов Т. Народные восстания и протесты 1928-1932 гг. в Казахстане // Gumilyov Journal of History. –2025. – Т. 153, № 4.

Алланиязов Т. К. Вооруженные выступления и повстанческие движения 1928–1932 гг. в Казахстане: история, историография, источниковедение – Караганда: Арко, 2026. – 224 с.

Бушуева Т. С. Общественные настроения в Красной Армии 1920-1934 гг. – М.: МПГУ, 2020. – 444 с.

Измозик В. Глаза и уши режима. Государственный политический контроль в Советской России 1917–1928 гг. — М.: Новое лит. обозрение, 2024. — 536 с.

Измозик В., Старков Б., Павлов Б., Рудник С. Подлинная история РСДРП – РКП(б) – ВКП(б). Без умолчаний и фальсификаций. Краткий курс – СПб.: Питер, 2009. – 496 с.

Колодникова Л. П. Советское общество 20-х годов XX века по документам ВЧК – ОГПУ – М.: Наука, 2009. — 479 с.

Краткая справка Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ об участии в операциях по кулачеству 28 июня 1930 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Исторические материалы». – URL: <http://istmat.org> (дата обращения: 28.06.2026).

Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 488 с.

Михеев В. И. Из истории деятельности ОГПУ Центрального Черноземья в 1930: исторические чтения на Лубянке – М.: Кучково поле, 2008. – 368 с.

Мозохин О. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ (1918–1953) – М.: Алгоритм, 2016. – 448 с.

Синицын Ф. Л. Советское государство и кочевники. История, политика, население 1917–1991 гг. – М.: Центрполиграф, 2019. – 318 с.

Скоркин К. В. Краткая история ВЧК-ГПУ-ОГПУ. 1917-1924. Исследование – М.: Квадрига, 2024. – 656 с.

Степанов А. С. Авиация и органы ОГПУ – НКВД – КГБ СССР, 1925–1945 – М.: Вече, 2019. – 384 с.

Тархова Н. Красная армия и сталинская коллективизация 1928-1933 гг. – М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 375 с.

Тепляков А. Г. Опричники Сталина – М.: Яуза, 2009. – 432 с.

Христофоров В. С. История советских органов госбезопасности 1917–1991 гг. – М.: РГГУ, 2019. – 438 с.

СГА КНБ РК – специальный государственный архив Комитета национальной безопасности РК

References

Asharshylyk. Golod. Dokumental'naya hronika: sbornik dokumentov 1928–1934. T. 2. – Almaty: Atamura, 2021. – 1240 s.

Allaniyazov T. Narodnye vosstaniya i protesty 1928-1932 gg. v Kazahstane // Gumilyov Journal of History. – 2025. – T. 153, № 4.

Allaniyazov T. K. Vooruzhennyye vystupleniya i povstancheskie dvizheniya 1928–1932 gg. v Kazahstane: istoriya, istoriografiya, istochnikovedenie – Karaganda: Arko, 2026. – 224 s.

Bushueva T. S. Obshchestvennyye nastroyeniya v Krasnoj Armii 1920-1934 gg. – М.: МРГУ, 2020. – 444 s.

Izmozik V. Glaza i ushi rezhima. Gosudarstvennyj politicheskij kontrol' v Sovetskoj Rossii 1917–1928 gg. — М.: Novoe lit. obozrenie, 2024. - 536 s.

Izmozik V., Starkov B., Pavlov B., Rudnik S. Podlinnaya istoriya RSDRP – RKP(b) – VKP(b). Bez umolchaniy i fal'sifikacij. Kratkij kurs – SPb.: Piter, 2009. – 496 s.

Kolodnikova L. P. Sovetskoe obshchestvo 20-h godov XX veka po dokumentam VCHK – OGPU – М.: Nauka, 2009. - 479 s.

Kratkaya spravka Glavnogo upravleniya pogranichnoj ohrany i vojsk OGPU ob uchastii v operaciyah po kulachestvu 28 iyunya 1930 g. [Elektronnyj resurs] // Sajt «Istoricheskie materialy». – URL: <http://istmat.org> (data obrashcheniya: 28.06.2026).

Lebina N. Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shому stil'yu – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. – 488 s.

Miheev V. I. Iz istorii deyatel'nosti OGPU Central'nogo CHernozem'ya v 1930: istoricheskie chteniya na Lubyankе – M.: Kuchkovo pole, 2008. – 368 s.

Mozohin O. Statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti organov VCHK – OGPU – NKVD – MGB (1918–1953) – M.: Algoritm, 2016. – 448 s.

Sinicyн F. L. Sovetskoe gosudarstvo i kochevniki. Istoriya, politika, naselenie 1917–1991 gg. – M.: Centrpoligraf, 2019. – 318 s.

Skorkin K. V. Kratkaya istoriya VCHK-GPU-OGPU. 1917-1924. Issledovanie – M.: Kvadriga, 2024. – 656 s.

Stepanov A. S. Aviatsiya i organy OGPU – NKVD – KGB SSSR, 1925–1945 – M.: Veche, 2019. – 384 s.

Tarhova N. Krasnaya armiya i stalinskaya kollektivizatsiya 1928-1933 gg. – M.: ROSSPEN: Fond «Prezidentskij centr B. N. El'cina», 2010. – 375 s.

Teplyakov A. G. Oprichniki Stalina – M.: YAuza, 2009. – 432 s.

Hristoforov V. S. Istoriya sovetskih organov gosbezopasnosti 1917–1991 gg. – M.: RGGU, 2019. – 438 s.

SGA KNB RK – special'nyj gosudarstvennyj arhiv Komiteta nacional'noj bezopasnosti RK